

أفاضل الناس اغراض لذا الزمن * يخلو من الهم اخلاهم من الفطن

*Выдающиеся люди — мишень для времени,
Лишенные ж мыслей — забот лишены.*

ал-Мутанабби

П.В. Башарин

Максим Сергеевич Киктев (1943–2005)¹

Максим Сергеевич Киктев (8 марта 1943 — 15 декабря 2005) — филолог, историк арабской литературы. Кандидат филологических наук (с 1970), доцент (с 1975) кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ. Окончил Институт восточных языков (ИВЯ, ныне — ИСАА) при МГУ (1966), аспирантуру ИВЯ (ИСАА) при МГУ (1969), с 1969 г. работал в штате ИВЯ (ИСАА) при МГУ. Основная специализация — история классической арабской литературы. Основные научные интересы — становление и эволюция поэтической традиции, проблемы текстологии и источниковедения, проблемы литературной теории в арабской классике. Разрабатывал и читал лекционные курсы и спецкурсы по истории классической арабской литературы, истории литературы мусульманского Запада, языку Корана, литературной теории в классической арабо-мусульманской культуре, истории арабо-мусульманской философии, источниковедению и историографии арабских стран и др., а также курс «Современные методы филологических исследований». Перу М.С. Киктева принадлежит свыше пятидесяти публикаций. Под его научным руководством были выполнены и успешно защищены десять кандидатских диссертаций.

М.С. Киктев представлял собой редко встречающийся в отечественной науке тип ученого, успешно совмещавшего научные исследования с активным преподаванием. Его трудовой день начинался рано утром и проходил в сплошных лекциях в различных московских институтах, где преподаются арабский язык и литература. Но и после окончания занятий, когда это происходило в РГГУ, он никогда не спешил уйти домой: в это время к нему можно было обращаться с любым вопросом. Колоссальные энциклопедические знания позволяли ему давать консультации по множеству разнообразных вопросов, связанных с арабистикой и исламоведением. Даже специалист, долгое время за-

1 | Частично материалы, приводимые в статье использованы в статье: Башарин П., Дурново Г., Ландо Н., Лахути С., Аюпова А. Вспоминая М.С. Киктева // *Вестник РГГУ. Языкознание / Московский лингвистический журнал*. 2007. № 8. С. 236–248.

нимающийся узкими проблемами, мог получить от него бесценные рекомендации по своей теме, сколь бы специфической она ни была. Круг знаний М.С. Киктева поражал. Он поистине был бездонным кладезем премудрости. Несмотря на то, что Максим Сергеевич, как и прочие преподаватели, всегда имел при себе конспект лекций, за годы нашего знакомства он только пару раз заглянул в него, чтобы проверить, правильно ли он назвал даты смерти нескольких малоизвестных арабских филологов, и, конечно, память его не подводила. Он помнил не только массу фактов из арабской истории, сведений по филологии, философии, множество сложных арабских имен, но и десятки, сотни дат. Он, например, мог безошибочно перечислить даты царствования всех правителей практически любой мусульманской династии, при этом часто не только годы, но вплоть до месяца и дня. М.С. Киктев хранил в памяти информацию об огромном количестве изданий арабских текстов не только в Западной Европе, но и в мусульманских странах, лично знал целые династии многих египетских и сирийских издателей. Он помнил огромное количество арабских средневековых текстов, отличающихся повышенной сложностью. Однако более всего восхищало его знание арабских стихов, огромное количество которых М.С. Киктев помнил наизусть и мог прочесть. Не часто во всем мире (особенно на Западе) можно встретить исследователя, помнящего наизусть свыше десятка длинных и сложных арабских касыд или му‘аллак. Подобное качество всегда отличало средневековых мусульманских филологов и поэтов. Думаю, не ошибусь, если скажу, что М.С. Киктев держал в памяти практически весь огромный диван своего любимого арабского поэта ал-Мутанабби.

Кроме этого, он являлся непревзойденным знатоком русской поэзии «серебряного века». С 1980-х гг. помимо арабистики М.С. Киктев занимался изучением творчества Велимира Хлебникова. Его научные интересы в этой области — мировоззренческие основы творчества Хлебникова, методология работы Хлебникова над словом, проблематика текстологии его произведений. Последние годы жизни он активно участвовал в издании «Собрания сочинений» В. Хлебникова в шести томах. В частности, им были подготовлены для публикации тексты поэм «Меджнун и Лейли», «Труба Гуль-муллы», «Синие оковы», «Переворот в Владивостоке». М.С. Киктев первым прочитал и подготовил к изданию хлебниковскую «Симфонию “Любовь”». Он регулярно участвовал в работе Хлебниковских чтений и в других форумах, посвященных поэту и русскому художественному авангарду в целом.

М.С. Киктев серьезно занимался и творчеством В.С. Соловьева, с рукописными фондами которого длительное время работал. Кроме тотального увлечения Востоком в кругу поэтов «серебряного века» и знаменитого соловьевского очерка о Мухаммаде, точек соприкосновения двух миров — Запада и Востока — он нашел гораздо больше. Вспоминается случай с уникальной рукописью о житии знаменитого

суфия ал-Халладжа², найденной Максимом Сергеевичем в фонде Соловьева. И сразу же после этого, не дав отойти от восторга, вызванного памятником, он кладет на стол одну из своих многочисленных записей со словами: «А вот тоже любопытный материал». Это была копия статьи из записных книжек Вл. Соловьева о двух природах Христа. Цены этому документу нет для историков русской философии. А в записях М.С. Киктева — это лишь одна из многих «любопытных» замет.

Меньше всего к М.С. Киктеву можно было применить определение «сухого ученого», который, живя среди архивов, часто не в состоянии донести свои сугубо специфические знания до широкой аудитории. Он действительно жил среди книг, но в не меньшей степени его жизнь проходила среди людей, в общении с ними. Блестящий талант лектора сочетался в нем с сугубо индивидуальным подходом к каждому слушателю. К каждому студенту Максим Сергеевич подходил как к единственной и неповторимой личности. Несмотря на то, что в РГГУ он читал лекции зачастую на последних парах, мне никогда не приходилось видеть людей, задремавших или клюющих носом, — согласитесь, довольно частый и легко объяснимый случай. И дело было не столько в предмете лекции, сколько в талантах лектора. Насколько тонка грань между добросовестным, но — увы! — усыпляющим изложением материала и методом изложения, позволяющим отвлечь и взбодрить слушателей! Часто приходится сталкиваться либо с безукоризненным, но сухим и неувлекательным стилем преподавания, либо с живым, вызывающим интерес, но, к сожалению, уводящим лекцию довольно далеко от предмета. М.С. Киктев виртуозно владел вниманием аудитории: не удаляясь от темы лекции, он вставлял в нее иногда занятные эпизоды из жизни востоковедов, рассказы о разных примечательных историях, имеющих отношение к арабистике или к востоковедению вообще. Для многих его учеников, которые уже сами стали преподавателями, он и в этом был примером для подражания. В поездках, общаясь с коллегами в разных городах и странах, и сам собираешь изрядный запас таких историй, но многие рассказы М.С. Киктева навсегда врезались в память своей оригинальностью. Например, невозможно забыть случай из жизни известного русского тюрколога В.В. Радлова, который, возвращаясь из экспедиции на Урал, где собирал знаменитых каменных баб, дал в Санкт-Петербург коллеге телеграмму следующего содержания: «Изрядно поиздержался на баб тчк Везу восьмерых тчк Высылайте грузовик».

Лучше всех городов арабского мира М.С. Киктев знал Каир. У слушателей складывалось впечатление, что он вырос в этом городе. Каждый, кто представляет себе карту Каира, являющегося в большей своей части нагромождением исторической застройки, с трудом может поверить, что европейский человек способен помнить сложней-

шую систему запутанных улиц, узких переулков и неприметных тупиков этого огромного города.

Кроме дорогого его сердцу арабского Востока и юга Испании с сохранившимися следами длительного мусульманского пребывания, М.С. Киктев пламенно любил еще одно место — Дагестан. Эта любовь объяснялась несколькими причинами. Во-первых, там живет один из старейших и выдающихся российских ученых-иранистов Н.О. Османов, к которому М.С. Киктев часто приезжал в гости. Во-вторых, этот край славится восточной ученостью — там можно встретить замечательных знатоков арабо-мусульманской науки и отыскать разнообразные книжные издания, привезенные из арабских стран, а по древнему, неписаному обычаю хозяин книжной лавки может не только сделать скидку понравившемуся покупателю, но и просто подарить ему книгу. Но одно место в Дагестане особенно очаровало М.С. Киктева, искушенного многочисленными поездками по экзотическим восточным странам. Это небольшой аул Кубачи, с древних времен славящийся производством холодного оружия на весь Кавказ и известный этим ремеслом во всем мире. В селение можно было добраться только по узкой горной тропинке, местами шириной со ступню ноги. Сюда, ведомый проводником, М.С. Киктев приходил несколько раз, здесь он осуществил свою заветную мечту — оседлать коня, здесь он отыскал уникальную рукопись арабского интеллектуала аш-Шанкити, самый ранний сохранившийся источник по теории мистической любви к Богу, которая практиковалась суфиями. Помню, с каким азартом и восхищением мы склонялись над выписками из этой рукописи. Максим Сергеевич уже готовил статью об этом уникальном памятнике, но, увы, он ушел, так и не успев опубликовать ее.

Как-то я попросил его приобрести в Дагестане небольшое сочинение известного мусульманского средневекового философа ал-Газали. Максим Сергеевич приехал и сказал, что нужной книги, к сожалению, не было, но он купил для меня другое, не менее редкое издание трактатов Ибн 'Араби. Отказавшись взять деньги наотрез, он пообещал, что когда осенью поедет в Дагестан снова, постарается найти нужную мне книжку. В сентябре раздался звонок: радостным голосом Максим Сергеевич возвестил, что его поиски увенчались успехом, и я могу приезжать за книгой. «Ну что вы, как можно, перестаньте», — запротестовал он, когда я хотел возместить хотя бы эту его трату.

Создавалось впечатление, что сам М.С. Киктев — человек «серебряного века», далекий от сегодняшних обыденных реалий. В каждом его жесте сквозило благородство, учтивость и глубинная врожденная интеллигентность, всегда отличавшая лучших представителей «старой школы». Он был безукоризненно, по-старинному вежлив, всегда предлагал свою помощь, чувствуя малейшую в ней потребность. При обращении или упоминая кого-либо из общих знакомых, он вставлял перед именем «уважаемый». Помню, после смерти С.С. Аверинцева на

своем занятии Максим Сергеевич попросил почтить его память минутой молчания. На лекциях он всегда с глубоким уважением и пиететом говорил о своих учителях, предшественниках, коллегах. Не оставляло ощущение, что в эти моменты за его спиной, словно огромные тени, вырастали фигуры давно ушедших ученых — В.Р. Розена, В.Ф. Гиргаса, И.Н. Винникова, И.Ю. Крачковского, Х.К. Баранова и других. Порой речь заходила о менее известных исследователях, и Максим Сергеевич так начинал рассказывать о жизни и увлечениях каждого из них, что они представляли перед нами, словно живые. Возникало восторженное ощущение причащения великой традиции.

Посвящая практически все свободное время преподаванию и своим ученикам, М.С. Киктев подчас не спешил публиковать даже ключевые результаты своей обширной научной работы. Будучи приверженцем досконального подхода к работе, он не выносил торопливости и никогда не спешил ставить точку в очередном исследовании. В результате остались незавершенные статьи, подготовленные к критическому изданию уникальные тексты, материалы к курсу по истории арабской литературы — одной из самых заветных его работ.

Однажды Максим Сергеевич, придя как всегда на лекцию, сообщил о смерти видного отечественного востоковеда, специалиста по Индонезии Б.Б. Парникеля, сказав о нем: «Он был не только превосходным ученым и знатоком в своей области... это, конечно, прекрасно, но не самое главное. За все то время, что я его знал, он не сделал никому ни одной подлости, честнейший человек...» Затем, помолчав, добавил, имея в виду своих ровесников-востоковедов: «Нас становится все меньше и меньше...» Эти слова прозвучали за несколько месяцев до его смерти³.

3 | В 2007 г. была издана книга памяти ученого: *Арабист, хлебниковед, человек: Сборник памяти М.С. Киктева* / Отв. ред. Е.Р. Арензон. М., 2007.